

III. Кроме анализа наименования организаций в рамках ономастической парадигмы (что является традиционным в лингвистике) и предлагаемого их рассмотрения в свете организационной коммуникации, внимания заслуживает возможность трактовки нейминга в качестве акта самопрезентации. Действительно, в названии организации (особенно это касается новых субъектов хозяйствования, изобильно появляющихся в последнее время) воплощается мотивация номинирующих. Как известно, один из подходов к самопрезентации базируется на ее трактовке в качестве поведенческой реализации мотивации (Р. Аркин, А. Шутц). С другой стороны, необходимым моментом продвижения организации является формирование доверия у целевой аудитории, а стратегии формирования доверия также в значительной степени вербализуются через наименование. И феномен мотивации, и феномен запроса доверия возможно эффективно реализовать только в рамках культурных и субкультурных доминант общества на конкретном этапе его развития. Успешная самопрезентация ориентирована на поддержание когнитивного единства субъектов коммуникативного сценария, т.е. номинатора и целевой аудитории. Иначе говоря, управление впечатлением возможно лишь в том случае, когда адресант и адресат руководствуются одной теорией событий: что правильно/неправильно, прекрасно/безобразно; реально/нереально; этично/неэтично, истинно/ложно и т.д. Самопрезентацию можно рассматривать и как управление вниманием. В рамках единого когнитивного пространства название организации служит своеобразным триггером, включающим интерес к организации в качестве своего рода проявления обратной связи: интеллектуальной/ ментальной (мне это нужно), эмоциональной (приятное место), поведенческой (обращение в организацию), вербальной (обсуждение). Таким образом, название организации можно рассматривать как речевой акт самопрезентанта, «механизм передачи информации о себе посредством имеющихся в наличии средств общения и с учетом пространственной специфики взаимодействия» (Н. В. Амяги).

О. В. Радчук (*г. Харьков*)

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЯЗЫКОВ ПРИ УТРАТЕ КОНТАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ

Учение А. А. Потебни о взаимозависимых процессах развития языка и мышления, о внутренней форме слова, о постепенном формировании абстрактных понятий из номинаций первоначально единого языка-основы у народов общей ментальности приводит к осознанию расхождений даже в генетически связанных языках. Идея изучения языковых взаимодействий, выдвинутая А. А. Потебней, получила творческое развитие в работах

языковедов следующих поколений, которые пришли к выводу о том, что не только лексическое, но и культурное взаимодействие и взаимообогащение является импульсом для дальнейшего развития отдельного языка.

Архитектуру языка в когнитивной перспективе и ретроспективе можно представить с помощью парадигмы межъязыковых отношений, содержащих ключ к пониманию языковых структур.

Поскольку на современном этапе развития лингвистики не существует строгих методологических рамок, оформляющих аналитические процедуры, мы рассматриваем взаимодействие и взаимовлияние языков как один из инструментов объяснения когнитивных процессов.

Мы считаем, что способ мышления, образ мыслей, совокупность когнитивных навыков и духовных ценностей, которые принадлежат славянским народам, отражается в их языках, но славян объединяет не только язык, но и общая ментальность, мировосприятие.

Новые подходы в исследовании языковых единиц мотивированы влиянием когнитивных процессов человека на язык, созданный человеком, который существует и функционирует только потому, что нужен социуму. Современная методология предполагает обращение к социокультурным основаниям когнитивных процессов. Изучение взаимодействия языков как в социокультурном, так и бытовом смысле сегодня является методологическим основанием в исследованиях языковых явлений.

Установить настоящие связи между языковыми формами и когнитивной семантикой можно с помощью метода реконструкции (как внутриязыковой, так и межъязыковой), что выявляет родство с когнитивными парадигмами в генетически и ареально объединенных языках. Одна языковая сущность может быть выражена различными формами. Обратившись к методу реконструкции, можно убедиться, что лингвоспецифические явления в родственных языках мотивированы и имеют когнитивное пояснение.

На определенном историческом этапе в праславянском языке ментальные понятия вербализировались и получили одинаковую форму, но дальнейшее развитие и выделение славянских языков на конкретном синхронном срезе показало, что отдельные языковые знаки имеют общий план содержания, который выражается в различных формах.

Мышление и восприятие человеком окружающего мира всегда обусловлены его повседневным бытием, и даже тогда, когда человек абстрагируется от повседневной жизни, это абстрагирование опирается на повседневный опыт. Поэтому повседневная жизнь, повседневные потребности человека являются важным аргументом для понимания связи лексической семантики и грамматического выражения слова с концептуальной системой языка.

Так, в процессе социокультурного взаимодействия языков и их носителей происходит отражение повседневного бытия человека в повседневной речи. Характерной чертой славянской ментальности является

осознание человеком наличия у него семьи, жилища, пищи. В подсознании древних славян уже было заложено стремление к созидательной деятельности и понимание того, что чтобы иметь эти важные вещи, надо было трудиться. И всегда существовало гендерное распределение обязанностей в семье: мужчины строили жилье, женщины готовили еду, вместе работали в поле.

Языковое взаимодействие как средство приспособления к среде и репрезентация знаний в своих ментальных системах отражается в конкретных примерах. Каждое слово имеет свою историю возникновения и использования, связанную с определенным человеческим опытом. Изучение в конкретном языке определенных случаев использования семантической деривации как номинативного средства наглядно свидетельствует о давних традициях и общих, присущих только славянам бытовых вещах и предметах.

Этнографические примеры демонстрируют особенности перманентного контакта языков в лингвокультурном и социокультурном аспектах, тем самым устанавливая отсутствующие связи в современном языке. Это подтверждает изучение этимологии и сравнение современных значений слов в близкородственных языках.

Украинские глаголы *прати*, *прасувати* и русский субстантив *прачка* происходят от названия приспособления для стирки и глажки в виде качалки, валика *прачь* в древнем языке славян, что этимологически связано с праславянским словом *perti* с семантикой “бить”. Если современные словари русского языка толкуют слово *прачка*, как работница, которая только стирает, то исторические и этнографические данные передают значение несколько иначе, шире: “работница, которая стирает, качает, гладит белье”. Билингам это достаточно понятно, но носителям русского языка, не имеющих контактов с носителями украинского языка, корреляция слов *стирать*, и *прачка* является непрозрачной и требует пояснений.

У носителей родственных украинского и русского языков различаются и другие орудия труда. Если и те, и другие используют слово *лопата* для работы на земле, то для рубки дров у украинцев есть слово *сокира*, и, соответственно у носителей русского языка – *топор*. Русское слово *топор* вытеснило старое название *секира*, которое происходит от старославянского *сокера*. Этот субстантив, как в украинском, так и в русском языке имеет общее происхождение от глагола *секти* “вырубать” лес под поле. В некоторых современных говорах русского языка слово *секира* сохраняется и обозначает “опасность”. Но в бытовой речи носители русского языка используют и украинское слово *сокира* с фонетическими отличиями от русского произношения.

Таким образом, структура мира, которая воспринимается человеком, в значительной мере обусловлена внутренними ментальными конструктами высокой степени абстрактности, но эти сложные ментальные процессы происходят в мозге бессознательно. Человек от рождения имеет специфические модульные способности к речевой деятельности, которая не

зависит от других когнитивных процессов, происходящих с помощью сенсорного восприятия предметов и явлений окружающего мира. Люди рождаются с мощными способностями к номинации. Но использование слова для обозначения конкретного понятия регулируется не только работой мозга человека, но и речевой практикой, традициями и экстралингвистическими факторами существования конкретного этноса. Поэтому язык является важным элементом самоидентификации нации, и сколь бы ни были тесны контакты между носителями и их языками, в каждом языке сохраняются специфические отличия.

Методология когнитивной лингвистики охватывает языковедческие и ментальные интерпретации языковых явлений, которые показывают, с одной стороны, взаимообусловленность и взаимозависимость родственных языков, а, с другой, – самобытность каждого языка, которая предполагает социокультурные источники. Эта идея сегодня является методологическим основанием в изучении когнитивных процессов.

Положенная в основу гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, взаимосвязь языка и культуры может быть использована сегодня как значительный ресурс в пояснении проблем первичности лингвальных или ментальных репрезентаций. При этом первичность нельзя выявить, не затрагивая межкультурное и межязыковое взаимодействие, то есть происходящий при этом культурный трансфер.

Методология культурного трансфера предусматривает изучение передачи опыта, накопленных знаний от поколения к поколению, закрепления в языке значимых абстрактных понятий с их конкретной реализацией в дискурсивной практике.

Идея разграничения внутрикультурного и межкультурного трансфера принадлежит французским лингвистам. Внутрикультурный трансфер предполагает рассмотрение какой-либо культуры в ее внутренней динамике и гетерогенности, имеющих проявление в различных дискурсах.

Лингвокультурный трансфер представляется как синхронная и диахроническая передача информации в континууме, осуществляемая различными способами коммуникации. Одним из таких средств является язык, с помощью которого достигается понимание как в конкретный исторический момент, так и передача информации последующим поколениям.

Язык и культура складываются в конкретном социуме, языковые знаки (вербальные и невербальные) становятся носителями этнической значимости, а когнитивный подход к изучению взаимовлияния языков даже при утрате контактного проживания позволяет выявить то общее, что изначально было присуще генетически близким языкам.